

Выступление Е.Т. Гайдара в Российской Академии Наук

11.11.1998 г.

Уважаемые коллеги!

Я рад, что по целому ряду направлений исследования в Институте экономики переходного периода сходны с теми, о которых сейчас излагал профессор Виктор Мейерович Полтерович. Вместе с тем, я хотел бы внести ряд уточнений.

Во-первых, существенно преувеличено представление о роли “Вашингтонского консенсуса” в практической реализации программы реформ. Только те люди, которые не работали с Витольдом Фокином в начальный период реформ на Украине, могут поверить, что “Вашингтонский консенсус” определял экономическую политику украинского правительства в 91-92 годах. Только те, кто ничего не знает про экономические реформы в Румынии, могут поверить, что “вашингтонский консенсус”, ориентация на радикальные реформы была главной, стержневой линией в этой стране.

Дело в том, что обсуждение постсоциалистических реформ в американской экономической литературе подчинялось своим законам. Многие авторы пишут не о реформах, а о том, как эти реформы интерпретируются в трудах Джеффри Сакса и других американских экономистов.

Накопление опыта позволяет придать дискуссии более содержательный характер, перевести ее на язык цифр и фактов, описывающих то, что конкретно происходило в разных постсоциалистических странах, где проводились самые разные экономические политики.

К моменту краха социализма, был некоторый набор реформ, осуществляемых в рамках индустриального социализма, был набор реформ, осуществляемых в аграрных экономиках, начиная от НЭПа и кончая Китаем, были наборы либерализационных мероприятий, связанные с выходом из подавленной инфляции. Отсюда возникал некоторый набор гипотез о том, как будут строиться процессы постсоциалистического перехода. Но фактурной базы для того, чтобы сформировать теорию переходного периода, не было и быть не могло.

Сейчас мы располагаем опытом 7 лет, а Европа — почти 9 лет переходных процессов в почти трех десятках индустриальных странах, в которых сменялись десятки правительств, проводились самые разные политики. И теперь любые рассуждения на тему о постсоциалистических экономических реформах, и экономической теории переходного периода серьезны если они опираются на анализ этого опыта.

Разумеется, сам по себе опыт и выводы из него не являются истиной, ведь мы постоянно получаем новые знания. Однако, когда теоретические выводы явно противоречат массовому накопленному опыту, есть основания задуматься о том, правильны ли эти теоретические выводы.

Я согласился бы в полной мере с набором следующих принципов, которые обозначил профессор В.М. Полтерович.

Первое. Принципиальное значение начальных условий. Это было очень хорошо показано в работе Ирмы Эйдельман 1996 года. Второе. Факт наличия институциональных ловушек. Третье. Связь этих институциональных ловушек с проводимой макроэкономической политикой. Эти три тезиса мне кажутся справедливыми.

Теперь несколько соображений о характере этих институциональных ловушек и о характере связей этих ловушек с проводимой макроэкономической политикой.

До начала реформ было трудно понять, что после краха индустриальной социалистической экономики крупномасштабное падение производства является общим феноменом, который практически не зависит от проводимой экономической политики.

Мы встречались с резким падением производства в шоково-терапевтической Польше, в шоково-терапевтической Чехии, в градуалистской Румынии, в до этого накопившей большой реформаторский потенциал Венгрии, на дирижистской Украине — практически повсеместно.

Больше того, последние исследования (в частности, я бы обратил внимание на работы Яноша Корнай) показывают характерную зависимость. Это выраженная связь темпов падения производства в первые три года реформ с предшествующим ростом между 70-м и 1988 годами.

Таблица 1.

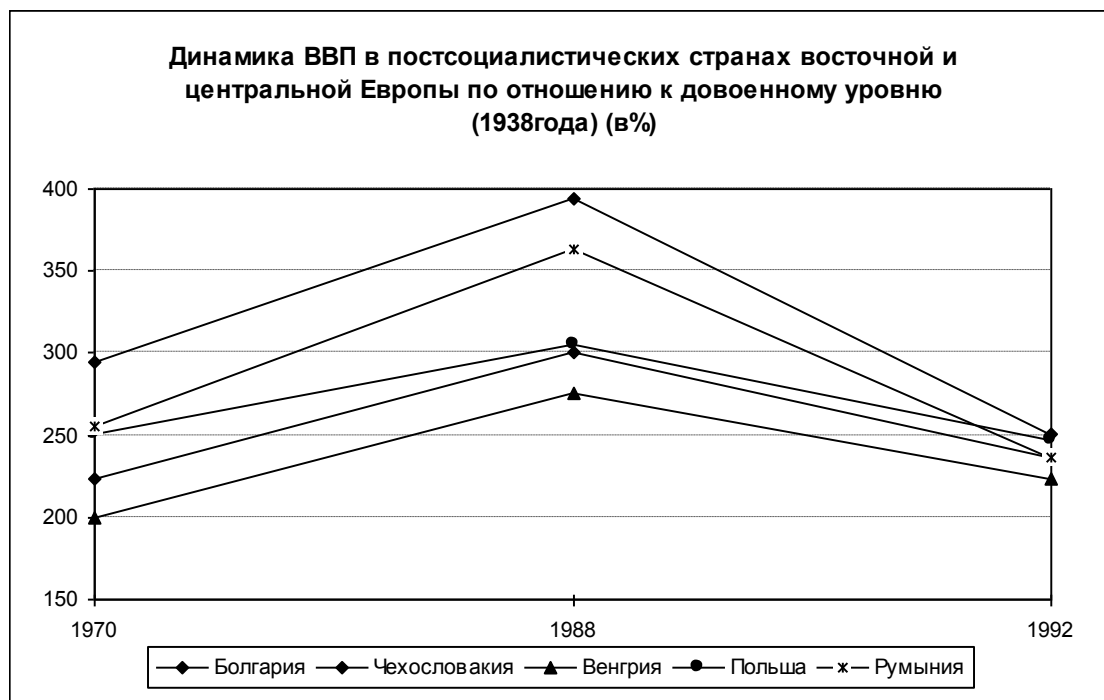
Динамика ВВП в постсоциалистических странах восточной и центральной Европы по отношению к довоенному уровню (1938 год) (в%)*

Страны	1970	1988	1992
Болгария	294	394	251
Чехословакия**	223	300	236
Венгрия	200	276	224
Польша	251	305	247
Румыния	255	363	236

*-- Расчеты исходя из ВВП в паритетах покупательной способности (доллары 1990 года). A.Medisson. Monitoring the World Economy 1920- 1992. OECD. 1995

**-- (к 1937 году)

График 1.

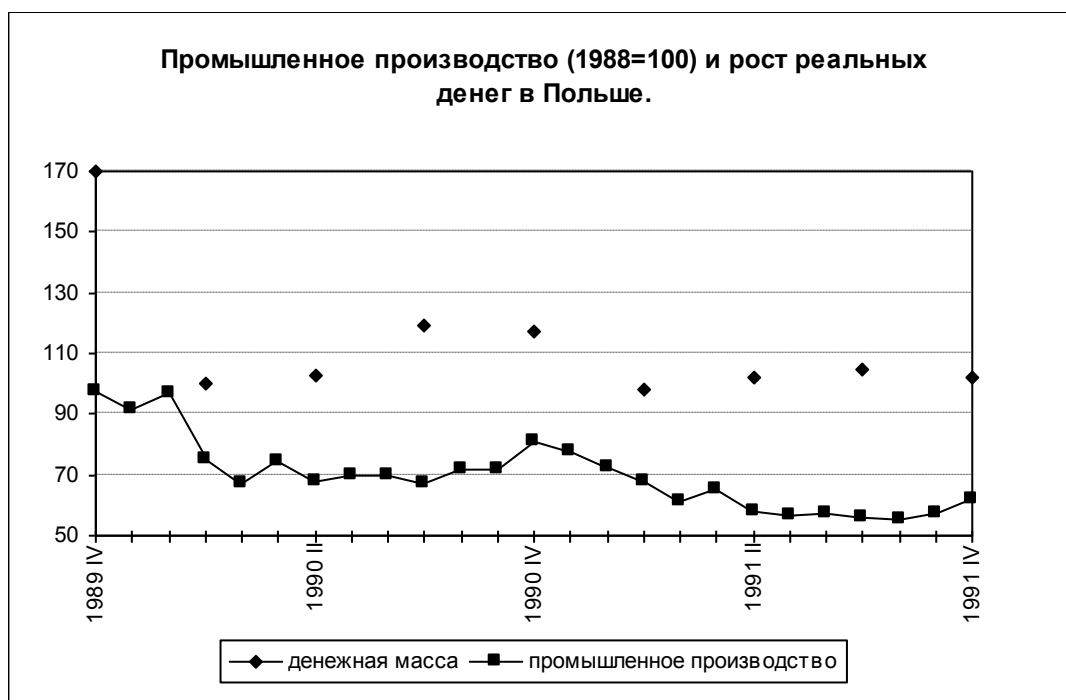
На *таблице 1* и *графике 1*, показана динамика объема производства по восточноевропейским странам в соотношении с 1978 годом. Практически симметрично идет рост между 1970 и 1988 годом и падение после 1988 до 1992 года. Это связано с тем, что предшествующий рост, основанный на высоких ценах на нефть и масштабном экспорте нефти из Советского Союза с дешевых месторождений, был по своей природе неустойчивым, имел все характерные черты того, что называется “голландской болезнью” и в этой связи был обратимым. Падение производства существенно сказалось на всем, что происходило после этого в мире.

Сейчас в странах, которые условно можно назвать “странами шоковой терапии”, это падение достаточно четко концентрируется в первые три года после начала реформ. После этого начинается восстановление экономического роста.

Вместе с тем, почти повсеместно постсоциалистические страны после либерализации цен в той или иной форме сталкиваются с резким падением доли денег в валовом внутреннем продукте. В условиях социализма мы имеем экономику подавленной инфляции, где доля денег в ВВП может произвольно определяться государством. При либерализации цен проявляется реальный рыночный спрос на деньги, он зависит от поведения экономических агентств, национально специфичен, но практически везде оказывается значительно ниже, чем в условиях подавленной инфляции. Таким образом, первые два феномена, с которыми сталкивались все постсоциалистические страны после краха социализма, это сочетание двух факторов: резко падающее производство и при этом резко падающая доля денег в ВВП.

Практически повсеместно сочетание этих двух факторов вызывает массовое желание ослабить денежную политику. Первая реакция следующая: смотрите, как падает производство, денег в экономике не хватает, реальная денежная масса сократилась, давайте наростим денежную массу и тем самым затормозим падение производства. И даже в Польше, правда, достаточно в скромных масштабах были следы ослабления денежной политики уже с четвертого-пятого месяца после начала реформы. За которым, кстати, последовало замедление темпов падения производства. (см. *график 2*)

График 2.

Еще один результат, — это наличие явной связи между масштабами падения производства и динамикой реальной денежной массы в экономике. То есть, падение реальной денежной массы действительно ведет к ускорению падения производства. И наоборот: рост реальной денежной массы в экономике это фактор, способствующий либо прекращению падения, либо наличию некоторых признаков подъема промышленного производства.

Инфляция в постсоциалистических экономиках (в этой связи они не отличны от других) довольно хорошо описывается набором из трех важнейших параметров: это инфляционная инерция, задаваемая инфляцией предшествующего периода; это темпы роста денежной массы за долгий предшествующий период и это инфляционные ожидания, которые можно определять по динамике обменного курса. Эта модель позволяет неплохо прогнозировать инфляции во всех постсоциалистических странах.

Есть две возможности увеличить реальную денежную массу. Первая из них — в пределах лага. В российской экономике между наращиванием денежного предложением и ускорение инфляции временной лаг составляет четыре-шесть месяцев. На самом деле влияние начинает сказываться с третьего месяца, идет до восьмого месяца, но в целом в пределах трех-четырёх-пяти месяцев наращивание номинального денежного предложения позволяет наращивать реальную денежную массу. Потом, по истечении шести-семимесячного периода в силу падения спроса на деньги в условиях высокой инфляции происходит падение реальной денежной массы.

Таблица 2.

**Доля денег (M2) в ВВП и промышленное производство на
Украине**

	Доля денег M2 в ВВП (%)	Промышленное производство (в % к 1990 г.)
1992г. 1кв.	9,7	90,9
2кв.	12,5	91,2
3кв.	16,1	84,4
4кв.	17,5	80,4
1993г. 1кв.	13,7	86,7
2кв.	11,5	86,1
3кв.	11,2	73,3
4кв.	9,3	71,6
1994г. 1кв.	7,5	53,8
2кв.	9,4	49,6
3кв.	13	53,5
4кв.	9,2	48,2
1995г. 1кв.	6,8	46,6
2кв.	7,2	40,8
3кв.	7,5	41,5
4кв.	8,5	40,4
1996г. 1кв.	8,5	41,5

График 3.

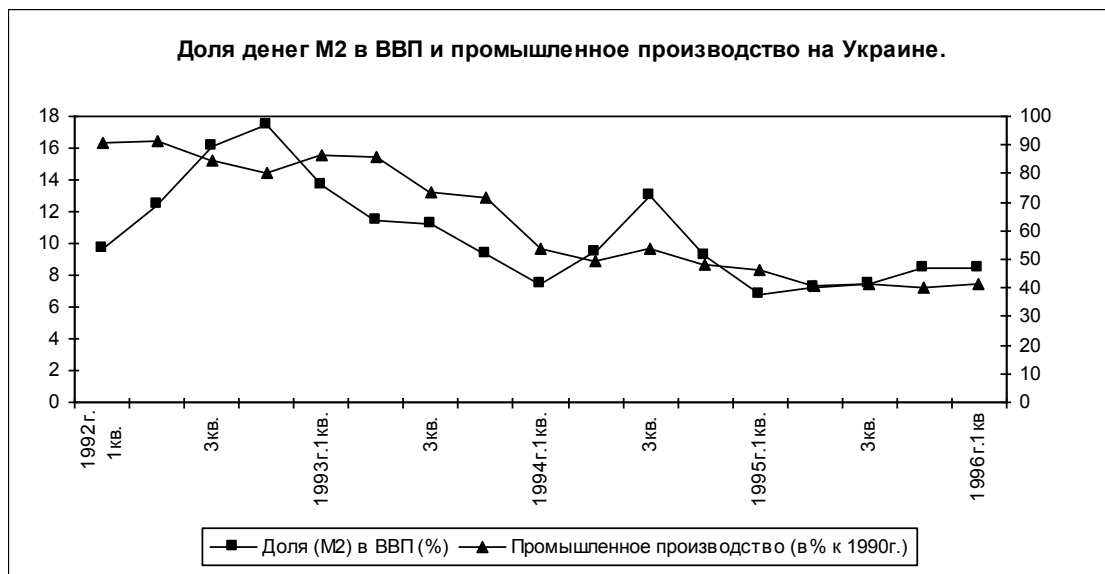

Таблица 2 и график 3 отражают два характерных момента экономической политики истории Украины: резкое наращивание денежного предложения в середине 1992 года, которое приводит к росту реальной денежной массы и началу роста производства, сменяющееся резким падением реальной денежной массы, после чего происходит резкое падение производства. Еще одна попытка резко нарастить денежное предложение в первой половине 1994 года снова дала стабилизацию производства, сменяющееся его новым падением.

В этой связи постсоциалистические страны можно разделить на две группы: первая группа, в которой подобного рода эксперименты не проводились или проводились в умеренных формах (Эстония, Чехия, Польша и другие). Это страны, в которых происходило заметное падение объема производства, тесно связанное с предшествующим экономическим развитием 70-88-х годов, где проводилась достаточно последовательная денежная политика, где инфляция в короткие сроки была снижена до

умеренных величин, где достаточно быстро были обеспечены стабилизация экономики, рост спроса на деньги и экономический рост. И те экономики, в которых проводилось несколько экспериментов по бурному наращиванию денежного предложения. Здесь можно назвать Украину, Россию, Грузию, Армению и ряд других государств.

График 4.

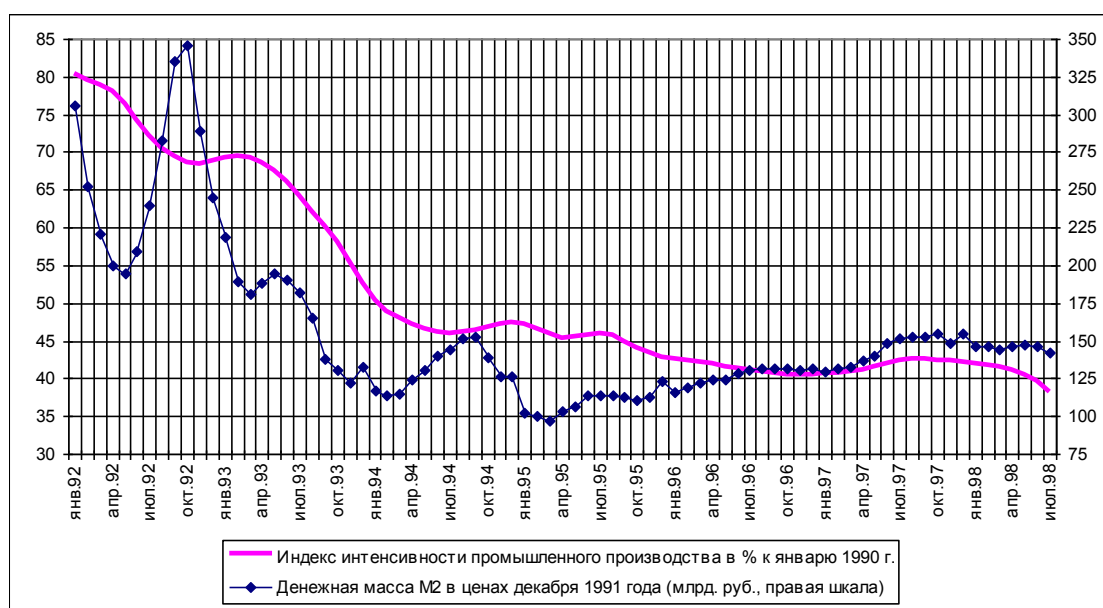

График 4 позволяет отследить в России две попытки нарастить номинальное денежное предложение. Оба раза они идут на фоне прекращения экономического спада. По исчерпанию лагового потенциала, происходит резкое ускоренное падение реальной денежной массы, и соответственно, ускорение падения производства.

Период высокой инфляции оказывается растянут. А, как совершенно справедливо заметил профессор В.М. Полтерович, период высокой инфляции (не короткий инфляционный эпизод, а длинный период высокой инфляции) существенно влияет на устойчивое поведение экономических агентов, порождая такие его

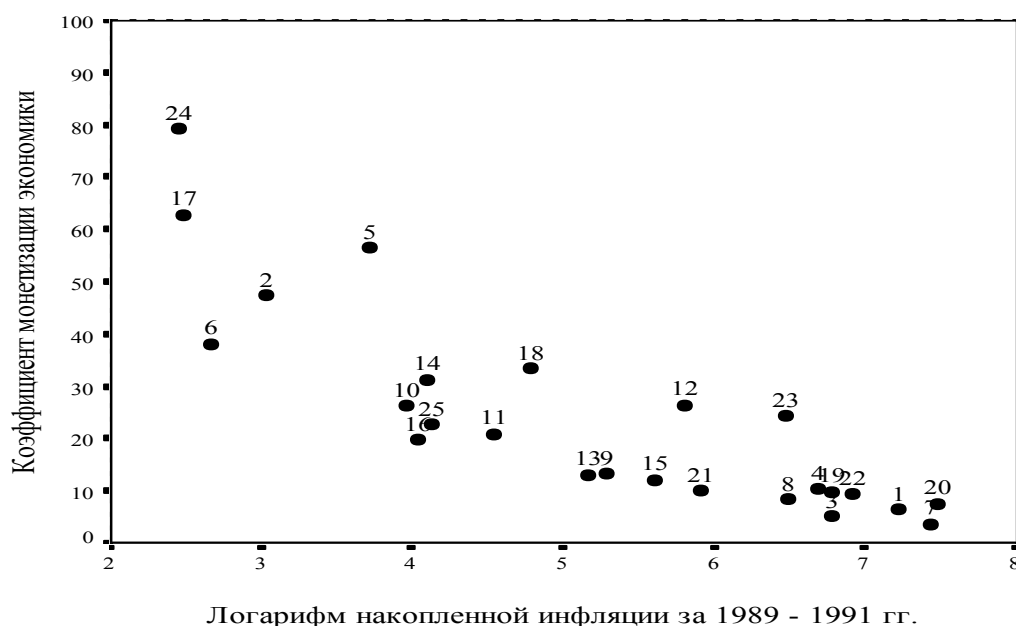
формы, как неплатежи, бартер и так далее. Когда эти формы поведения укореняются, бороться с ними оказывается существенно сложнее.

Хотя хорошо известны факты бартеризации экономики и распространение неплатежей в странах с так называемой “шоковой терапией”, эти институциональные нововведения не оказываются устойчивыми. Они сравнительно быстро ликвидируются под влиянием низкой инфляции, особенно жесткой финансовой дисциплины. В странах мягкой, градуалистской дезинфляции эти институциональные инновации оказываются устойчивыми и существенно влияют на дальнейшее развитие событий.

Что происходит в этой связи в странах, которые попали в институциональную ловушку в условиях медленных реформ?

График 5.

Диаграмма рассеивания к уравнению, связывающему коэффициент монетизации экономики в 1995г. и логарифм накопленной инфляции за 1989-1995 гг.

Примечание: Азербайджан – 1, Албания – 2, Армения – 3, Беларусь – 4, Болгария – 5, Венгрия – 6, Грузия – 7, Казахстан – 8, Кыргызстан – 9, Латвия – 10, Литва – 11, Македония – 12, Молдова – 13,

Польша – 14, Россия – 15, Румыния – 16, Словакия – 17, Словения – 18, Таджикистан – 19, Туркменистан – 20, Узбекистан – 21, Украина – 22, Хорватия – 23, Чехия – 24, Эстония – 25.

Первое. В них оказывается устойчиво низкой доля денег в валовом внутреннем продукте. *График 5* обозначает связь между логарифмом накопленной инфляции за период реформ и долей денег в валовом продукте. Характер зависимости достаточно очевиден. Доля денег в валовом продукте в условиях высокоинфляционных экономик, естественно, связана с предшествующим денежным опытом, с подрывом доверия к национальным деньгам. Причем, эти характеристики являются устойчивыми.

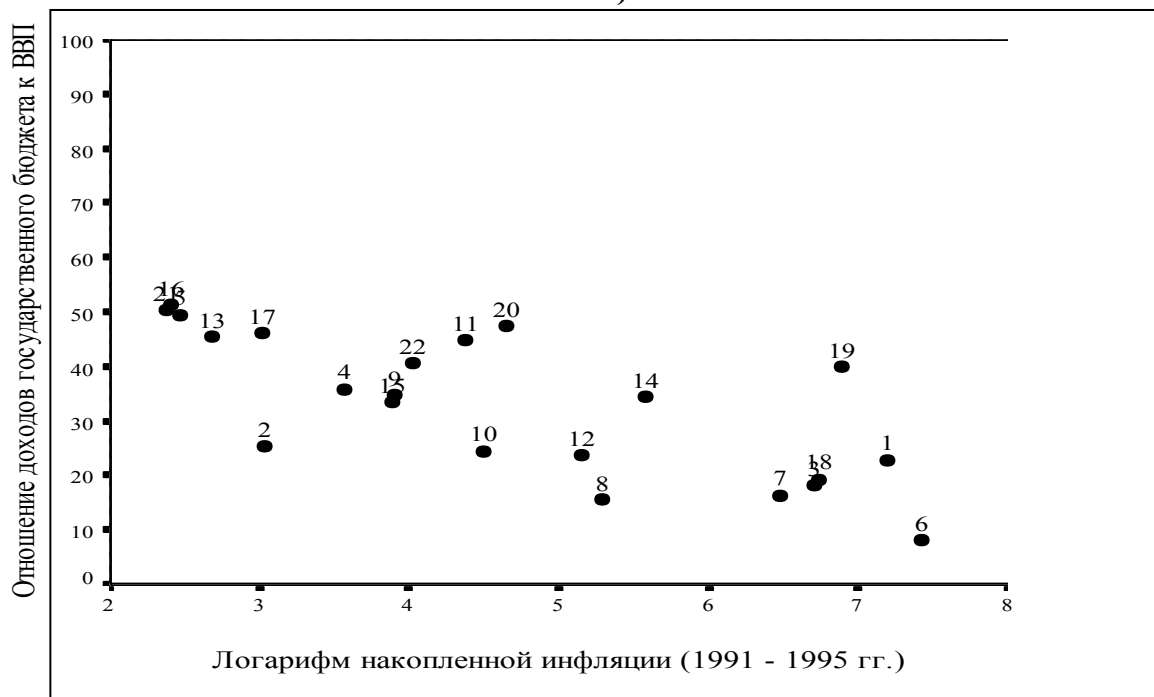
Доверие к национальным деньгам очень легко подорвать и трудно его восстановить. Попытки наращивать денежное номинальное предложение темпами, превышающим 20-30% в год, редко оказываются успешными, и, как правило, приводят к новым всплескам инфляции. Сравнительно быстрая реконструкция оказывается возможной лишь в режимах типа валютного совета.

Второе. Низкая монетизация экономики, связанная с несколькими инфляционными экспериментами и с подрывом доверия к национальным деньгам, широкое распространение неплатежей, бартера, приводят к устойчивой эрозии доходной базы бюджетов.

На *графике 6* показана связь логарифма накопленной инфляции, и доли доходов расширенного правительства в валовом внутреннем продукте.

График 6.

Диаграмма рассеивания к уравнению, связывающему отношение доходов государственного бюджета к ВВП в 1995г. с логарифмом накопленной инфляции (1991-1995гг.)

Примечание: Азербайджан - 1, Албания - 2, Армения - 3, Болгария - 4, Венгрия - 5, Грузия - 6, Казахстан - 7, Кыргызстан - 8, Латвия - 9, Литва - 10, Македония - 11, Молдова - 12, Польша - 13, Россия - 14, Румыния - 15, Словакия - 16, Словения - 17, Таджикистан - 18, Украина - 19, Хорватия - 20, Чехия - 21, Эстония - 22.

Приведенные данные показывают, что если вы имеете длинный, растянутый период высокой инфляции, то масштабы тех финансовых ресурсов, которые вы можете перераспределить через государственный бюджет, существенно меньше, чем в странах, которые провели реформы быстро и решительно.

Отсюда разделение на страны, где доходы бюджета стабилизируются на достаточно высоких уровнях между 40 и 50-ю процентами валового внутреннего продукта (в большинстве стран шоковой терапии) и страны медленных реформ, где происходит

устойчивая эрозия доходов бюджета, до величин, как правило, не превышающих 35 % валового внутреннего продукта.

Укоренение таких форм поведения, как неплатежи и бартер, происходит именно в странах с медленной дезинфляцией и как правило сочетается с низкой долей денег в валовом внутреннем продукте и относительно низкими доходами бюджета, и прокладывает дорогу к хроническому фискальному кризису.

Такой кризис оказывается характерной чертой практически большинства экономик, где проводилось несколько экспериментов по наращиванию денежного предложения и процессов инфляции.

В чем суть фискального кризиса? Она состоит в том, что в условиях резко ограниченных реальных доходов бюджета государства оказываются неспособными привести в соответствие с ними свои расходные обязательства. Отсюда либо накопление короткого дога и предельный риск острого финансового кризиса, либо хроническое невыполнение своих обязательств государством, что в свою очередь подрывает налоговую дисциплину и является важнейшим фактором распространения неплатежей и бартера, укореняет дурные институциональные новации, связанные с растянутым периодом инфляции.

Завершая свое выступление, я хотел бы еще раз обратить внимание на то, что наше изучение реалий постсоциалистической экономики и закономерностей экономических реформ будет гораздо более продуктивным, если оно будет опираться на очень детальный и подробный, учитывающий национальную специфику и вместе с тем широкий анализ эмпирического опыта.